

НГ Exlibris (прил. к Независимой газ.) — 2003 — 17 июля — с. 5

ЕВТУШЕНКО

Миф, созданный Евтушенко

После каждого своего бунта Е.А. ехал куда-нибудь не замаливать, а отрабатывать грехи

Сергей Есин

Рискнул бы я хоть что-нибудь сказать о Евтушенко, если бы из этой самой руки, которой пишу эти строки, Е.А. не получил три года назад диплом об окончании Литинститута? История, известная всем. Чуть ли не через пятьдесят лет после того, как за неуспеваемость его из института изгнали за несданную политэкономю, хотя сам Е.А. преподносит иную версию, он получил диплом. Об этом писали. Тихо, без особого стечения публики (был только, кажется, его тезка Евгений Рейн). «Ты Евгений, я Евгений...» Нет, нет гени, гени, оба свою жизнь раскрутили на полную катушку. Один на неважном заседании кафедры творчества в институте, когда речь шла об учениках, фигурально выражаясь, имея в виду Бродского, сказал: «Я выпустил нобелевского лауреата», а другой в поэзии «пережил», опять-таки фигурально выражаясь, — всех и в том числе своего главного конкурента Вознесенского. Жизнь — это понятие не столько физическое, жизнь — это значит действительность, активен.

За собственную жизнь я встречал только трех людей, которые источали мощную витальную силу: Микояна, Ельцина и Евтушенко. Пожимая руку

С сыном Петей в русской деревне. Фото Валерия Плотникова

всем троим, ощущаешь, будто жмешь руку динамо-машине и сейчас между кончиков пальцев пролетит электрическая искра. Евтушенко, Вознесенский и Ахмадулина — все трое прошли через жизни моего поколения, как близкие звезды. Чуть-чуть, кажется, потяни руку — и достанешь. Ан нет, не так. Они все оказались не ровня, небожители. Но Вознесенский, пережив «Треугольную грушу», утонул в псевдоповедениях, в которых не разобрался ни сам, ни публика, он все время в стихах, прозе, проектах говорил о своем несомненном, но истершемся таланте. Всем казалось, Ахмадулина держала свою небесную интонацию, и в поэтическом горле у нее серебряным колышанием булькали неповторимые ритмы. Ни стихов, ни образов не помню. Евтушенко создавал свой миф, потому что, как дерзкий и молодой чернорабочий, копал и копал. Он не умер и не был в кризисе никогда. У своих сверстников шахматную партию он выиграл. Миф, как кусок масла в деревенском чугунке с пахнущим, уже возник. «Поэт в России больше, чем поэт». А что мы помним еще из поэзии? Отдельные фразы, формулы. Помню, интересовался, потому что сам был в то время там же, Е.А. приехал после очередной своей провинности из Вьетнама. По-

явились стихи в «Правде»: «Осколок шрайка ранил шейку матки...» Жаловался в «Правде» замечательную аллитерацию испортить... После каждого своего бунта Е.А. ехал куда-нибудь не замаливать, а отрабатывать грехи. То Братская ГЭС, то «Ивановские ситцы». В его натуре всегда что-то от черноработного. Сильного, юркого, хвастливого. В праздник и после работы в калошах и при часах с печочкой. Для меня это главное в его образе.

Я помню, как во дворе Союза писателей на Поварской жили его чучело, это после того, как в начале перестройки он без его замечательной энергии был распутан и распущен Союз писателей СССР. Какая была склока! Довольно мерзкая ситуация и довольно мерзкое время. Сам Е.А. в это время уже был в Америке, но чуло горело весело. А кто сейчас эти самые писатели, эти самые кумиры?

Я бы мечтал, несмотря на возраст уже не молодой и в поэзии неперспективный, взять Е.А. в Литинститут в качестве мастера и профессора. Когда ему вручали диплом, его мать — девятилетняя знаменитая продавщица газет в киоске у Рижского вокзала сказала: «Ну наконец-то и Женя получил диплом о высшем образовании. Советское высшее образо-

вание лучшее в мире». Несмотря на несданную политэкономю, Е.А. — один из самых образованных людей нашего времени. Огромная антология современной поэзии «Строки века», собранная и отредактированная Е.А., лежит у меня дома. Она заканчивается стихами одного из наших последних выпускников Коли Штромилло, а сам Е.А. профессорствует в Америке.

Когда несколько лет назад летом он пришел в институт во время студенческих каникул с женой и сыном, мы обошли с ним все аудитории и закоулки, он рассказывал, что иногда за лекцию писал одно или два стихотворения. Он показал место, где то ли после постановления ЦК, то ли после статьи в «Правде» о «безродных космополитах» стояли две группы студентов и молчали, сообщающиеся сосуды не перетекали один в другой. С одной стороны, Алла Хиреева и, кажется, Леонид Жуковичский, а с другой — весь курс. Со второго этажа из аудитории мы смотрели на зеленый институтский сквер. «В саду стояли белые деревья...» Это тоже написано во время лекции. Замечательный был бы профессор, но в настоящее время Родина прокормит профессора такой квалификации не может.

Иначе я не играю!

Евгений Евтушенко как Пачкуля Пестренский русской литературы

Евгений Лесин

Во Франции в прошлом веке не были популярны «просто» писатели. Все старались быть универсалами. Писали стихи и прозу, пьесы и киносценарии, играли на трубе и пели, снимали кино и снимались сами.

В России таких мало. Самый европейский среди русских прозаиков — Василий Шукшин. Из поэтов — пожалуй, что Евтушенко.

Евтушенко любит «разбрасываться», дробиться. Разнообразие — все, считает он, единство — ничто. Потому он и занялся в свое время поэтической антологией. Очень уж любит мозаику. Любит собирать — себя, разбросанного по собственной воле, и других — разбросанных «в пыли по магазинам».

Жизнь — это не пазл, поэзия тоже. Но, безусловно, игра. Только куда интересней, куда разнообразней пазлов. Кай под призмой Снежной королевы собирал слово «вечность», безуспешно, конечно. Потому что не умел и не хотел выходить за рамки правил навязанной ему игры.

Евтушенко принципиально выходит за рамки. Даже если правила придуманы им самим, он обязательно их нарушит. Он — разный. Он не может себя удержать, ему надоедает привычное.

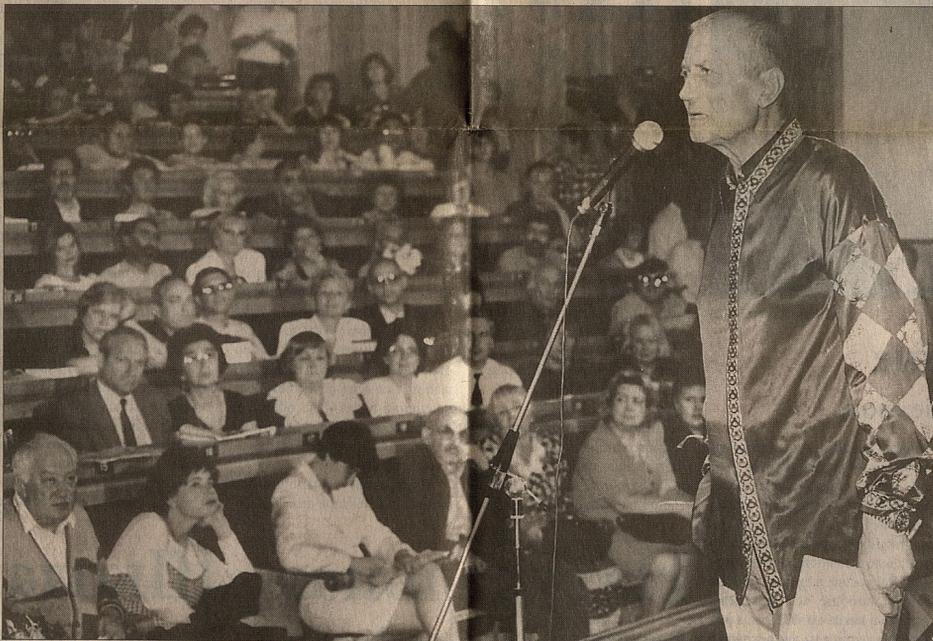
Евтушенко — не формальный игрок, не виртуоз-мастер, Евтушенко — хулиган. Нарушитель. Он, если приводить пример из мира прекрасного, не Незнайка даже, а Пачкуля Пестренский. Незнайка — это тот же Шукшин. Бунин — Ворчун. Чехов — Пилушкин. Ахматова — нет, не Кнопочка, а Синеглазка, конечно. Бродский — Спрутс. Николай Глазков — Скуперфильд, Вознесенский — Винтик, Александр Блок — Цветик. Набоков — разумеется, профессор Звездочкин, а Солженицын — Знайка.

Ну а Евгений Александрович Евтушенко — Пачкуля Пестренский. Что ему волшебная палочка? Возня и морок! На автомобиле кататься? Ну ладно, ездить, только доставьте обратно — в то же самое место. Иначе я не играю.

Евтушенко не стесняется признаваться, если что: ИНАЧЕ Я НЕ ИГРАЮ. И все, и делайте с ним что хотите. А ничего и не подлаешь. Если он выйдет из машины, то или мотор заглохнет, или пассажиры поссорятся. А скорее всего и то и другое вместе, да еще и оштрафуют.

Что делать: его фамилия «Россия». А псевдоним — дело десятое.

Евтушенко любит собирать, он сам как Снежная королева, только не обманывает. Собрать слово «вечность» — угодить к нему в антологию, кол-

Творческий вечер в Политехническом музее 18.07.1996 г. В первом ряду — Булат Окуджава. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

лекцию etc. Не соберешь — он сам соберет, а тебя, если есть за что, все равно куда-нибудь да

пристроит. А если даже и не за что — все равно на что-нибудь стоишься.

Пачкуля Пестренский тоже не был, откровенно говоря, идеалом, но жадностью нико-

да не страдал. Потому что Пестренский. Потому что разный.

Считайте его коммунистом

Герои Евтушенко — Чапаев, Гагарин, Че Гевара и Фидель

Виктория Шохина

Первое собрание сочинений Евгения Евтушенко (вышли шесть томов из восьми) одето в темную, как запекшаяся кровь на отрубленных кистях рук Че, обложку...

Когда-то на вопрос зарубежного журналиста о членстве в КПСС, Евтушенко ответил: «Считайте меня коммунистом» (так называлась одна из его поэм).

Евтушенко всегда был «левым» — не только в том оригинальном смысле, в каком позиционировали себя фрондирующие члены Союза писателей. Но и в самом реальном — он находился под обаянием революционной романтики и верил в социализм с человеческим лицом.

Один из «правых», Вадим Кожин, говорил, что Евтушенко с объективно-исторической точки зрения оказался «жертвой культа Сталина», поскольку именно этот культ создал условия, в ко-

торых успех мог быть достигнут предельно легким путем. Что, дескать, поэт и стубило. Однако покойник передергивал, в конце 1940-х — начале 1950-х многие подостки могли сочинять вот такие стихи о вожде: «В бессонной ночной тишине! Он думает о стране, о мире! Он думает обо мне! Подходит к окну. Любуется солнцем! Тепло улыбается Он! А я заспаю, и мне приснится/самый хороший сон».

Сам Евтушенко поэме с какой-то детской наивностью и простодушием объяснял: «Я очень хорошо усвоил: чтобы стихи прошли, в них должны быть строчки о Сталине». Зачем? Не надо было оправдываться, стихи тинейджера не нуждаются в оправданиях (как, впрочем, и любые стихи). Тинейджеру любить вождя — это нормально. Так же нормально, как взрослому человеку — вождя разлюбить и возненавидеть.

Евтушенко не зря называл себя коммунистом. Он и был идейным коммунистом, без партби-

лета в кармане. Чистота и возвышенность его коммунизма особенно пугала партийных чиновников. Чиновники боялись идейных коммунистов, убежденных леваков, куда больше, чем убежденных антикоммунистов.

Потому что сами партийные чиновники не верили ни во что — ни в коммунизм, ни в чох, ни в революцию, ни в героев. И плевать хотели на все коммунистические идеалы, вместе взятые. Достаточно было увидеть, как туго и бездарно разевались их пасти на партийном съезде при обязательном исполнении «Интернационала», чтобы понять: музыка революции не для них.

Евтушенко же эту музыку слышал, как Блок. И верил в нее. Оттого и свои стихи о коммунистическом идеале, вместе взятые. Достаточно было увидеть, как туго и бездарно разевались их пасти на партийном съезде при обязательном исполнении «Интернационала», чтобы понять: музыка революции не для них.

Евтушенко же эту музыку слышал, как Блок. И верил в нее. Оттого и свои стихи о коммунистическом идеале, вместе взятые. Достаточно было увидеть, как туго и бездарно разевались их пасти на партийном съезде при обязательном исполнении «Интернационала», чтобы понять: музыка революции не для них.

ном — / не треплется». Для партийных чиновников это было слишком!

Герой Евтушенко — строгие коммюнисты, возникающие из танцевальных нетей Гражданской войны: «Трудную гололедью/идут они, что-то тая! / Идут они, как трагедия/ собственная и моя».

Герой Евтушенко — Василий Иванович Чапаев и Юрий Гагарин, чистый идеалист Альенде и харизматический лидер Фидель.

Герой Евтушенко — Маяковский, с которого хотелось делать жизнь: «Снежит он во Фриско! / Флоридой шагал! / Тверда походки чеканка! / То появляется он в Огайо! / то в Чикаго!». Что, собственно, и сбилось.

И, конечно, его герой — Эрнесто Че Гевара. Легендарный команданте в тяжелых подкованных солдатских ботинках, «на которых, казалось, еще сохранилась пыль Сьерра-Маэстры».

С публичным восторгом рассказывает Евтушенко о последних минутах Че: «Говорят, что, когда в него всаживали пулю за

шестидесятничества, — и романтическое народничество.

Да, Евтушенко всегда был «левым». Но самое интересное, что таким он и остался. О чем свидетельствует берущее за душу «Прощанье с красным флагом». Или вот это: «То, что кровью написано, не стоит потом переписывать набело! / Никому еще это не помогло! / Я — последний поэт коммунизма, / которого не было! / и, наверное, / быть не могло». И это выгодно отличает от другого шестидесятника, который когда-то тоже шел по коммюнистам, а потом объявил, что был «красным фашистом».

В августе 1991-го Евтушенко стоял за Ельцина. На октябрь 1993-го откликнулся поэмой «Тринадцатый». Когда началась чеченская война, отказался принять из рук президента орден Дружбы народов.

Считайте его коммунистом. И не плейте ему вслед за это. Его душа чиста, как у Павки Корчагина, доживя тот до семидесяти.

да не страдал. Потому что Пестренский. Потому что разный.

CURRICULUM VITAE

- 1932.** 18 июля в семье геологов — Александра Рудольфовича Гангуса и Зинаиды Ермолаевны Евтушенко в Нижнеудинске Иркутской обл.
- 1933.** Семья переезжает в Москву.
- 1939.** Первые стихи: «Я проснулся утром рано /и подумал: кем мне быть? /Захотелось стать пиратом./ грабить корабли».
- 1941–1944.** Эвакуация в Сибирь, на станцию Зима. Выступает в госпитале перед ранеными. Меняет фамилию отца на фамилию матери. «...учительница физкультуры... сказала Карякину, моему соседу по парте: «Как можешь ты с Гангусом этим дружить, пока другие гнусавые гансы стреляют на фронте в отца твоего?!» Я, рыдая, пришел домой и спросил: «Бабушка: разве я немец?»
- 1945–1948.** Занятия в поэтической студии Дома пионеров. Уход из школы. Работа в геолого-разведочной экспедиции отца в Казахстане.
- 1949.** Первая публикация — стихи в газете «Советский спорт».
- 1952.** Первая книга «Разведчики грядущего». Поступает в Литинститут по приглашению А.М. Горького. «...я оказавшийся в Литинституте уже широко печатаемым в газетах, очутился под градусом целебнейших дружеских издательств и постепенно начинал вылезать от газетщины».
- 1954.** Знакомство с Беллой Ахмадулиной. «Ты большая в любви. /Ты смелая. /Я — робоем на каждом шагу...»
- 1955.** Самый молодой член СП СССР.
- 1957.** Исключен из Литинститута за поддержку романа Дудинцева «Не хлебом единым». Стихи: «Встал он во хмелю и силе, /пил квас и был на все готов, /и во спасение России /шел бить студентов и жидов» («Охотнорядец»). Брак с Ахмадулиной.
- 1958.** «Интеллигенция /поет блатные песни. /Поет она /не песни Красной Пресни. /Дает под водку /и сухие вина /про ту же Мурку /и про Енту и равнина».
- 1959.** Демонстративная неявка на процедуру исключения Пастернака из членов СП СССР. Рассказ «Четвертая Мещанская».
- 1960.** Первые поездки за рубеж. Стихи: «Весенней ночью думаю обо мне /и легкой ночью думаю обо мне...»; «Носил он брюки узкие, /читал Хемингуэя. /«Вкус, брат, нерусские...»; «Внушал отец, мрачней» («Нигилист»).
- 1961.** «Еврейской крови нет в крови моей. /Но ненавистен злобой заскорзудой /я всем антисемитам /как еврей, /и потому — /я настоящий русский» («Бабий Яр»). Ответ А.Маркова: «Какой ты настоящий русский, /Когда забыл про свой народ, /Душа, что брючки, стала узкой, /Пустой, что лестничный пролет». Брак с Галиной Сокол-Луконой. Спецкор газеты «Правда» на Кубе.
- 1962.** Стихи «Сопливый фашизм», «Наследники Сталина».
- 1963.** Публикация «Автобиографии» в журнале «Экспресс». К.Чуковский: «Все разговоры о литературе страшны: вчера разнесся слух, что Евтушенко застрелился. А почему бы и нет? Система <...> очень легко может довести Евтушенко до самоубийства».
- 1964.** Советско-кубинский фильм «Я — Куба» (соавтор сценария).
- 1965.** Поэма «Братская ГЭС». Военные сборы в Закавказском военном округе. «Голос Америки» сообщает, что Евтушенко выслан на Кавказ, вслед за Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым, — с целью расправы.
- 1968. Август.** Телеграмма в ЦК КПСС против ввода войск в Чехословакию. Стихи: «Танки идут по Праге /в закатной крови расовата. /Танки идут по правде, /которая не газета. /...Пусть надо мной — без рындий — /просто напишут, по правде: /Русский писатель. /Раздавлен /русскими танками в Праге. /12 советских писателей /требуют лишить поэта гражданства СССР».
- Ноябрь.** Из-за принадлежности к «официальной литературе» Евтушенко не избирают профессором Оксфордского университета.
- 1970.** Поэмы «Под кожей статуи Свободы» и «Казанский университет».
- 1973.** Спецкор журнала «Огонек» в Японии, Орден «Знак Почета» в связи с 40-летием.
- 1974.** Телеграмма протеста Брежневу против депортации Солженицына. Стихи «Россия»: «А, собственно, кто ты такая, /с какой такой судьбой, /что падаешь, воду лакая, /а все же гордишься собой? /...А, собственно, кто ты такая, /и, собственно, кто я такой, /что вою, тебя попрекая, /к тебе прикандален тоской?»
- 1976.** Поэма «Прописка» про БАМ. Изъятие из библиотек Иваново и Ивановской области поэмы «Ивановские ситцы».
- 1978.** Поэма «Голубь в Сантьяго». Брак с Джан Батлер, ирландской переводчицей русской литературы.
- 1979.** Серебряный приз IX МКФ фильму С.Кулиша «Взлет», в котором Евтушенко сыграл Циолковского. «...Обязательно стоит упомянуть мои две попытки сняться в фильмах Пазолини и Рязанова. Роли Христа и Сирано де Бержерака мне нравились, но не моя вина, что эти попытки завершились неудачно».
- 1983.** Фильм «Детский сад». Автор сценария, режиссер-постановщик и актер (роль чудака-шахматиста). Орден Трудового Красного Знамени «за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 50-летием». Открытие поэта-вундеркинда Ники Турбиной (1974–2002).
- 1984.** Госпремия СССР за поэму «Мама и нейтронная бомба».
- 1985.** Стихи в «Правде»: «И я приветствую время, /когда /по закону баллистики /из кресел летят вверх торшачки — /«кабачегоновышлестки»».
- 1986.** Почетный член американской Академии искусств и литературы, секретарь правления СП СССР. Выступает за восстановление прав крымских татар.
- 1987.** Брак с Марией Новиковой. Ведет поэтическую антологию «Русская муза XX века» в журнале «Огонек».
- 1988.** Выступает против присуждения С.Куняеву Госпремии РСФСР; за вывод войск из Афганистана; в поддержку БГ; против антисемитизма; за создание мемориала жертвам культа личности.
- 1989.** Член общественного совета «Мемориала». Участвует в создании общества «Апрель» и русского Пен-клуба. Народный депутат СССР по Харьковскому территориальному округу. На I съезде народных депутатов предлагает объявить конкурс на новый гимн Советского Союза.
- 1990.** Фильм «Похороны Сталина» (автор сценария и режиссер).
- 1991.** Участие в Августовской революции. Стихи «19 августа» в поддержку Ельцина.
- 1992.** Публикации о сотрудничестве Евтушенко с КГБ. Во дворе Дома Ростовых писатели-«патриоты» сжигают его чучело.
- 1993.** Преподает историю русской поэзии XX века в университете штата Оклахома. «Строфы века» выходят в США.
- 1994.** Роман «Не умирай прежде смерти». Стихи: «Ну что, орел двуглавый, /куда мы залетели, /с бесславной новой славою, /в чеченские метели?».
- 1995.** Стихи: «Вы креститесь, взрыватели церквей, /а заодно — и родины своей? /...Партийных пальцев вам не побороть, /чтобы сложить в смиренную щепоть?».
- 1996.** Поэма «Тринадцатый».
- 1997.** В Москве начинает выходить Первое собрание сочинений в восьми томах.
- 2002.** Перевод «Слова о полку Игореве».
- 2003.** Из статьи в «ЛГ»: «Под энергичным Путиным отвыкший от твердой руки конь почувствовал и уду, и шпоры одновременно, однако еще нужно время, чтобы понять, куда эта рука коня направляет».

46